

Глава 1

Говорят, что когда целый мир полыхает – беда одного совершенно не важна. Я никогда не считал, что это так. Вот, казалось мне, если весь мир умирает – то это, без сомнения, важно, но всё же если умираю я – то мне оно важнее. Возможно так, возможно иначе – почём знать?

Так вот. Я умирал.

Клятая инспекция убила меня. Все мои товарищи, подружки и начальники, все они сейчас сидят в тёплом стойле прямо под Мэйнхэттаном. Их напоили сладким чаем, кому-то, возможно, дали успокоительное. Миссис Блюр наверняка причитает и истерит – это так в её стиле. Мистер Флэнк мрачен и хмур – ведь наверняка спуститься в стойло успели не все – пришлось закрывать тяжёлые массивные двери-шестерни прямо перед их носом. Интересно, а ими случайно можно раздавить пони? Когда я спросил это на экскурсии – экскурсовод съехал с темы, увы. Впрочем, нет. Не интересно. Они там в совершеннейшей безопасности, а я тут умираю.

С чего же начать?

Ну, сначала была сирена. Услышав этот заунывный вой, я лишь прятнул ушами и продолжил заниматься тем, чем занимался до этого. Странно, это было полчаса назад, а я уже не помню, чем занимался. Однако вой сирены не продолжился. Резко крикнув, он оборвался на самой высокой ноте и, замолкнув на мгновение, завыл вновь. Это было неправильно. Длинный гудок с медленным утиханием – проверка ревунов. Длинный гудок с быстрым утиханием – учебная тревога. Длинный гудок с резким рёвом в конце – воздушная опасность, частый гость тут, вблизи фронта. Короткий гудок с резким рёвом в конце...

Угроза применения ОМП.

Гудок повторялся вновь и вновь, пока я тупо смотрел в стену и вслушивался. Верить в это не хотелось, ведь в случае объявления такой тревоги мне следовало взять личные документы, личные же вещи и спецпакет – конверт с пропуском в Стойло номер семь. Я выиграл его в общей лотерее год назад, когда оно было ещё на стадии строительства. И вот, этим сраным зебрам нужно было атаковать именно тогда, когда я был так далеко от своего спасения!

«Брэкет, нужно прокатиться до Соустоуна, его вот недавно отбили. Там уже работают минмор, ищут подельников полосатых. Съезди, проверишь,

как они работают. Тут недолго.» - сказал мне начальник отдела, мистер Фьюри, жирная задница.

«Но это же в паре километров от фронта!» - воскликнул я, - «Там же наверняка опасно!»

«Нет, наши парни контролируют ситуацию. Там всё совершенно спокойно. Явишься в штаб восьмой армии, там тебя расквартируют. И на счёт страховки не волнуйся – четыреста процентов в случае ранения, четыре тысячи в случае смерти. По возвращению – отпуск и отпускные. Да ещё и боевые тебе выбьем! Ну, что скажешь?»- Он подмигнул и улыбнулся. Так улыбаются совращатели.

«Ну ладно»- решил я, – «Пару недель посижу там, бумажки позаполняю. А после рвану на побережье – отдыхать!»

И вот теперь, слушая вгоняющий в дрожь крик ревуна, я силился понять, почему я такой дурак. Променять свою безопасность на отпуск, свою жизнь на маленький профит.

А потом была вспышка. И темнота. Потом пришла адская боль. С меня будто сдирали кожу, будто облили кислотой, будто засунули в горящую кремационную печь – в каких сжигали трупы зебр.

И я был недалёк от истины. Наверняка световым излучением меня сожгло почти полностью. Странно, что я ещё жив.

Потом был толчок. Что-то толкнуло меня сначала вверх, затем вниз, а затем я потерял направление. Меня толкало, выворачивало и трясло, а за всем этим меня накрыло что-то тяжёлое. Доски, камень, всё это смешалось – или это смешались сигналы, посылаемые моему мозгу моими чувствами. В любом случае это совершенно не важно. Я умирал.

Вот задница!

А вообще мне обидно. Обидно до колик! Нет, смерть, конечно, штука важная. Но она, дискорд её побери, не может меня забрать! Не может! Я ещё совсем молод – мне всего двадцать четыре! У меня есть хорошенькая пони – и, ну блин, мы с ней хотели построить свою семью! Я даже уже присматривался к обручальным кольцам! Селестия Святая, я же не солдат! Это их дело - умирать за свою страну! Я же обычный клерк! Я бумажки заполнял всю жизнь, а не с винтовкой ползал под пулями! Почему умирать должен я! В конце концов, у меня кредит на повозку! Нет, вы видели мою старую повозку! Развалюха! Перри никогда бы не ответила мне

взаимностью, если бы я её не продал! Да, пришлось взять кредит, но теперь у меня прекрасная повозка! За двести сорок тысяч бит! И в такой не стыдно прокатить свою пони! Мне весь отдел завидовал! И теперь мне надо платить кредит! Я законопослушный пони! Если помру – кто же за меня заплатит мой кредит! Там же ещё четыре года платить! Я так не могу! Я обя...

Меня бесцеремонно прервали, сунув в пасть что-то, из чего что-то полилось.

Полилось...

Брр.

Меня тут же одолела жажда. Не знаю, что лилось в меня. Вкуса я не чувствовал – наверное, у меня уже не было языка. Наверное, у меня ничего не было. Наверное, в меня лилась эссенция жизни. А вливала её в меня сама Селестия. Хотя с той же вероятностью это могло быть... Ну, в конце концов, мало ли, что придёт в голову какому-нибудь обезумевшему полосатому зебрийскому солдату, когда он увидит живое обгоревшее тело пони. Они же извращенцы. Вон, по Дейли-ньюс постоянно крутили репортажи, как зебры относятся к военнопленным и как ведут себя на оккупированных территориях.

Чудовища.

В желудке разлилась приятная прохлада. Потом пошла будто вверх и проникла в голову, прямо в мозг. Зрение возвращалось. Я стал различать цвета. Потом контуры. Потом картинка стала адекватной.

Надо мной нависло чудовище. Нет, когда то это была пони, определённо.

Но грива её вся выгорела, шкура обгорела, став чёрно-серой, уши оплавились, став двумя пригорками на лысом черепе, а глаза превратились в две остекленевшие лужицы. Самым же страшным была пасть.

Магическая радиация способна искорёжить пони в считанные часы, да.

Так говорили на курсах повышения квалификации. Но такое...

Нос и рот пони вывернуло наизнанку. В обе стороны теперь торчало два круглых зелёных огромных отростка. Сам же рот пони оплавился, и теперь его не было, как и ноздрей.

Пони помахала перед моей мордой своим копытом, практически чёрным от копоти и, не заметив никакой реакции, кроме страха, который, видимо, отразился на моём лице, если оно у меня было, что-то достала из

обгоревшего подсумка на своей груди. Поколдовав несколько секунд, она поднесла это что-то к моей шее и надавила. По шее разлилось приятное тепло.

Пони что-то мне вколола. То что это она, я не сомневался. Точнее, ею она была до обезображивания. Теперь же я не был уверен, что она ещё сохранила свой пол.

Успокоительное. Вот что это было. Стало тихо. Хотя и до этого было не громко. Вроде, я ничего и не слышал. Да, так оно и есть – я оглох. Вот пони пытается мне что-то сказать. А я не разбираю её слов. А вот пони наклонилась совсем близко. И крикнула!

А я услышал.

- ...Брэм! – заорала она мне на ухо.

- А? – а что мне ещё отвечать? Тем более что я, наверное, больше ничего бы и не ответил. У меня же нет языка. Что я и поспешил ей сообщить, – У меня нет языка, я не могу говорить.

В ответ на это пони прислонила копыто к своему лицу и покачала головой. Наверное, у неё что-то болит. Немудрено, раз у неё лица нет. Хотя вот у меня ничего не болит, хотя тоже ничего нет. Может потому и не болит, что нечему болеть?

- Не важно. Кивни, если ты Брэкет Брэм, хорошо? – я кивнул,- Ты Брэкет Брэм?

Я снова кивнул. Нет, ну а чего отрицать? Ну да, имечко не очень, зато запоминается плохо. В школе мне говорили, что мне можно будет стать каким-нибудь жуликом. Что бы запомнить меня было трудно. Лови жулика! А как его зовут?

Забыл...

- Отлично! - искалеченная пони захлопнула матерчатую боковую сумку с тремя бабочками и, издав странный звук, похожий на глубокий выдох, встала с меня.

Странно, но я не помнил, что бы она на меня ложилась. Если бы Перри это увидела - то, пожалуй, проблем бы мне не миновать. Хотя в данной ситуации, может, и пронесло бы. Пони же, оглядев меня, глубокомысленно произнесла:

- Ладно, вставайте, не так вы уж и поломаны, на удивление. Вас выбросило в оконный проём, кажется. Повезло. А вот про гостиницу

этого не скажешь, - она указала копытом на развалины, оставшиеся от моей квартиры.

Оказывается, я и правда лежал на ярко освещенным солнцем асфальте. Двумя солнцами. Одно, настоящее, тускло просвечивало сквозь гигантские облака севернее, второе же, зловеще зелёного цвета, неярко мерцало южнее, от чего всё в мире казалось зелёным. Неправильно зелёным. Мёртвым.

Мёртвое зелёное небо смотрело прямо на меня. Я же, собрав всю волю, отвечал ему тем же. Я смотрел прямо в небо.

- Меня отправили за вами. Понимаете, зебры применили тактический боеприпас около сорока минут назад. Мегазаклинание класса “Погребальный огонь”, - обгоревшая пони встала рядом со мной и посмотрела вверх.

Небо недовольно позеленело ещё больше. Мы побеждали.

Пони меж тем продолжала:

- Я из пятой отдельной роты мегамагической безопасности, нас подняли сразу после взрыва. Зебры попытались прикрыть своё отступление, видимо. Потому и взорвали южнее, практически над своей территорией. Там всё перемешано с землёй. Городу тоже досталось. Импульсом отрубило всю свя...

Небо, недовольное нашим превосходством, яростно взбелило на мгновение, а затем с силой ударило в землю. Или земля ударила в небо.

Снова волна, совсем девичий визг обгоревшей пони рядом, и снова я лежу на невероятно потрескавшемся асфальте.

Небо же позорно спряталось в облаках белёсо-красной пыли, поднятой ударом.

- Сейсмическая волна! Закрыть уш... - как-то ну совсем страшно заверещала изуродованная пони, однако конец её фразы утонул в хлопке.

За хлопком была звенящая тишина.

Я снова поднялся на ноги и, чихнув, посмотрел на обгоревшую пони.

Видок у неё, на моё удивление, стал лучше. Пыль, невероятно прилипчивая, покрыла всю обгоревшую шкуру, спрятав страшные ожоги, и теперь кобылка напоминала просто очень странную скульптуру. Приятную на вид скульптуру с удивительно красивой шеей...

Шея?

Шея ведь не привлекательная.

Не спуская взгляда с её изящной шеи, я подковылял к кобыле и неловким движением выудил из медицинской сумки склянку со странным зельем.

Нет, оно должно быть другим. Это не лечебное зелье. Этикетка врала. В банке была неприятная жижа. Не амброзия.

Брак?

И почему мне нравится её шея?

Ох уж этот минмира, совсем дерьмо гонят.

Откинув звякнувшую об асфальт склянку, я аккуратно, что бы не повредить такую хрупкую на вид шею, отодвинул голову кобылы и полез в подсумок с бабочками.

Шприцы.

“Эпинифрин”.

Великолепно.

Теперь надо перевернуть пони на спину.

Сделано.

Найти сердце.

Примерно вот тут.

Вколоть шприц и быстро надавить на капельку-тюбик.

Есть.

А теперь облизнуть шею.

Зачем?

Потому что я должен платить кредит. Кредит по имени Брэн. Брэн Пэрри.

Сидит сейчас в тёплом мистере Флэнке и не воюет с крематорием по приказу зебр, которые насилуют маленькие повозки прямиком в моём городском отверстии, которое...

- Нет! - истошно заорал девичий голос над ухом. Я его знал. Но вспомнить не успел по причине сильнейшего удара куда-то в паховую область. Сильного удара. Очень. Больно. И я отскочил. Или отлетел. В полёте не видно.

Обгоревшая пони с ужасом смотрела на меня, держа в зубах пистолет, направленный прямиком в мою голову. Её мелко трясло, но удивило меня не это. Вся кожа на её шее почему то отошла крупными чёрными лоскутами, открыв взгляду приятную жёлтую шёрстку, извазюканную в

чём-то красном. И этого самого красного явно прибавлялось из большой, сильно кровящей рваной раны, расположенной чуть ниже того места, где у порядочных жеребцов кадык.

Меня обуял страх за мою спасительницу и я, подняв вверх копыта, свистящим от волнения шёпотом заговорил:

- Тихо, солдат! У тебя сильнейшее радиационное поражение в области шеи. Но ничего страшного, мы это сейчас вылеч...
- Неф'т! Не двфигафся! - обгоревшая тяжело дышала.

Или не обгоревшая?

Защитный костюм.

И противогаз.

Элементарно! Войска!

Дебил. Тук! Тук!

По пистолету в её рту потекла алая струйка.

Дело дрянь.

Я неаккуратно перевернулся на живот и поднялся на ноги. Пони смотрела и на меня, и в небо. Хотя неба не видно. Оно спряталось. Белёсая дымка бетонного крошева. Взвесь камня и почвы. Взор её стал туманен.

Почему-то пошёл снег. Тёплый. Крупный.

Не снег.

Сорок минут назад он был живым.

Я сделал первый аккуратный шаг в сторону военной пони.

Бух!

В этот раз я боли не чувствовал. Только прохладу.

Наверное, вечную.

Или нет.

Вечной прохлады не бывает. Это ясно уже из того, что будет казаться теплее. Через некоторое время.

Вот и сейчас я понял, что лежать в этой темноте мне надоело. И я открыл глаза.

Первое, что мне в них бросилось, помимо тусклого зелёного света, оказалась пыль. Бетонное крошево поспешило меня ослепить, однако, проморгавшись, я всё же с ним справился.

Передо мной вновь расстиралось небо, однако на этот раз совершенно иное. Солнце, то, которое было давно, скрылось за тяжёлыми грозowymi

тучами окончательно, погрузив мир в ещё больший зелёный цвет. Цвет, рождаемый другими солнцами. Зелёными.

Тремя зелёными солнцами.

Одно, то, что постарше, утихало на юге. Оно уже не красило всё вокруг себя в этот противоестественный токсичный свет так активно, лишь слегка подкрашивая небеса.

Второе мерцало на севере.

Третье же, напрямиком на востоке, пылало так ярко, что смотреть на него было больно.

И именно оно освещало всё вокруг.

Весь мир.

Его остатки?

Не важно.

Я поднял голову. И понял, что покрыт пеплом. Целым одеялом серо-чёрного пепла. Им же был покрыт весь мир. Всё, начиная от зелёных развалин вокруг и заканчивая небольшим холмиком на том месте, где находилась обгоревшая пони. Живая обгоревшая пони.

Во всяком случае холмик этот находился в движении. Он, едва заметно, вздымался и опускался. Пони дышала.

Я снова, в который уже раз за последнее время, поднялся на все четыре ноги, подняв облако пепла и белёсой пыли, и направился к пони.